

Сергей ОСТАШКО

Репортаж с ногой на шее

— Пожалуйста, здесь все открыто, — решил он.

— Говорят, после первого выигрыша надо уходить и больше в этот день не играть.

— Чепуха и суеверие! Я математик, специалист по теории вероятностей, у меня другой подход... Я играю по своей системе.

Поскольку он ходил от стола к столу, я стал следовать за ним и время от времени обмениваться репликами. Постепенно выяснилось, что он прибыл из Петербурга и живет в Баден-Бадене уже два месяца. На вопрос об отеле неохотно ответил, что часто меняет место дислокации, больше я об этом не спрашивал. Система его, насколько я мог понять, состояла в том, чтобы ставить на группы номеров так, чтобы перекрыть большую часть поля, на единственный номер он ставил лишь на одном из столов и ни разу больше не угадал. Везло ему "по своей системе" с переменным успехом, действовал он очень осторожно, чаще оказывался в небольшом минусе, но это его не обескураживало.

В десятом часу вечера, в разгар игры, к столу подошел... Федор Михайлович Достоевский в темно-сером на все пуговицы застегнутом сюртуке. Присутствующие расступились. Федор Михайлович был чрезвычайно мрачен и взвинчен: редкие волосы встрепаны, глаза лихорадочно блестя. Он протянул крупную фишку в 50 евро и сказал: "Зеро". Крупье поставил, бросил шарик, объявил свое "нихт мер!". "Зеро" не выпал. Крупье равнодушно изрек "Шадэ" (жалъ — нем.) и смело проигравшие фишки в лузу. "Merde! Parbleu!" — громко сказал Федор Михайлович, махнул рукой и быстро пошел прочь. Играть дальше ему было не на что.

— Это повторяется каждый вечер, — пояснил "математик" из Петербурга, — он рискует крупной суммой, быстро проигрывает, ругается по-французски и уходит.

— А по-русски слабо — спросил я.

— Нет, по-русски он себе не позволяет. Самодисциплина! — уважительно произнес мой новый знакомый.

Я отправился бродить. В "Комнате маркиза" немногочисленные игроки в покер образовали замкнутые профессиональные сообщества. В "Салоне Помпадур" за столами для рулетки и вокруг курили, атмосфера там вполне соответствовала "гнезду порока", как любят подавать игорный дом кинематографисты. Когда солист в "Зимнем саду" объявил перерыв, и музыканты покинули сцену, я вернулся в первый от входа зал.

Здесь новая фигура привлекла мое внимание. По залу расхаживал франт XIX века в черном фраке, из-под которого выглядывали белые сорочка и атласный жилет. Это был брюнет лет тридцати с волосами почти до плеч и выбритыми до синевы запавшими щеками. Никакие эмоции не читались на его лице. В правой руке он держал лакированную трость и белый батистовый платок, в левой — цилиндр. Так мог бы выглядеть герой Балзаковского романа, какой-нибудь Растиньек. Женщины оглядывались и перешептывались. Франт подходил к игорному столу, смотрел на экран, где стояли последние выпавшие номера, наблюдал за игрой и шел к следующему. Наконец он вынул из жилетного кармана фишку, поставил на группу из шести номеров и выиграл. И тут же отправился к кассе получать выигрыш.

От этих наблюдений меня отвлек специалист по теории вероятностей.

— У вас остались еще фишки? — спросил он.

— Остались.

— Я не понимаю, что вы здесь делаете. Вы практически не играете.

— Я отмечаю здесь день рождения.

— Мои поздравления! Предлагаю вам выгодное вложение капитала. Вы отдаете мне свои фишки, я верну вам в три раза больше, чем они стоят. Это будет хорошим подарком.

Я согласился, он деловито пересчитал полученные фишки и ушел.

К полудню нужно было сдать номер и уезжать. Но мы еще не всё сделали: не нашли памятник Достоевскому. Оставив багаж в отеле, отправились на поиски и отыскали его в живописном лесопарке за "Термами Каракаллы". Памятник "свежий", установлен в 2004 году, автор — российский скульптор Леонид Баранов. Бронзовый Федор Михайлович в тесном сюртуке (точно в таком он являлся играть), стоит босой, без усилий сохраняя равновесие, на примятом шаре. Относительно постаментов мнения разделились: одни считают его шариком на колесе рулетки, другие — символом планеты Земля. Одно, кстати, не исключает другого. Поза, фигура и выражение лица Достоевского указывают на то, что в Баден-Бадене он потерпел крах. Еще бы, проиграть всё, включая обручальное кольцо жене! Хотя как посмотреть, потом зато "Игрок" написал. В грустных осенних красках памятник выглядел уместно. А по весне — климат тут почти средиземноморский — наверняка контрастирует с окружающим радостным цветением.

Надо будет проверить эту догадку, приехать в Баден-Баден весной.

Вот и сбылась мечта идиота. Если может быть мечтой, хотя бы и идиота, расставание с собственной частью тазобедренной плоти и замена ее инородной железкой, пусть даже и изготовленной на лучшем тазобедренном предприятии мира.

Вообще говоря, это довольно странная шиза — вставлять в себя никелированное украшение стоимостью 5800 долларов, которое впоследствии будет невозможно ни перед кем похвастаться. Но что делать, если твой родной тазобедренный сустав упорно болит уже третий год, а твой способ передвижения вызывает у окружающих нездоровые ассоциации с "porno-двигательным аппаратом".

Впервые о необходимости менять сустав врачи заговорили в апреле, но должно было пройти полгода, чтоб этот гипотетический ужас материализовался в реальную хирургическую жуть. Последние судорожные попытки вылечить невылечиваемое, оттянуть неоттягиваемое и избежать неизбежного — и вот я в областной больнице у профессора Александра Николаевича Поливоди. Именно он лет 13 назад начинал делать в Одессе операции по эндопротезированию. И теперь у него есть ученики по всей Украине.

Первая встреча была короткой.

— Вот вам книжечка, почитайте.

Написанную профессором памятку "Жизнь с искусственным суставом" изучали всей семьей. А заодно и его сайт: <http://endoprotez.odessa.ua>.

В книге с неиссякаемым оптимизмом излагались леденящие душу подробности операции, а также описывались конструкции искусственных суставов. Оказалось, что самый простой и дешевый сустав — однополюсный. Это когда тебе меняют только одну часть сочленения. То есть отрезают родную шейку бедра, а вместо нее на длинном металлическом стержне в кость собственно бедра вколачивают (или вцементируют, я так и не понял) тоже шейку, но уже металлическую. Такая операция длится полчаса, начинать нагружать ногу после нее можно чуть ли не на следующий день, водить машину — через неделю, а кататься на велосипеде — через месяц. Во всяком случае, так утверждали мои друзья, знакомые знакомых которых через это прошли. Гарантия нормальной работы такого сустава — 5 лет, поэтому его ставят, в основном, людям старше 70 лет.

Более надежный, но и более дорогой способ — замена одновременно обеих частей еле живого тазобедренного шарнира. Эта операция длится более полутора часов, а реабилитационный период достигает трех месяцев. Но зато гарантированный срок — 15-20 лет.

Именно такую операцию и порекомендовал мне профессор во время следующей встречи. "Вы же еще совсем молодой!" — мотивировал он.

...Палата оказалась маленькой, но на удивление функциональной. "Большое купе", — охарактеризовал ее сын, когда приехал меня навестить. У стен стояли две очень умные ортопедические кровати на колесиках. Они умели ездить по палате, становиться выше и ниже, поднимать и опускать изголовье и, наверное, могли бы готовить кофе, если бы нам кто-то показал, на какой рычажок для этого нужно нажать. В межкроватьном промежутке тюфляк в тюфлячку влязло последнее слово тумбочкового дизайнера. Оно было тоже на колесиках, в разные стороны выдвигались ящички, вверх вытаскивалась доска, которая легким движением руки превращалась в элегантный накрываемый столик. На столик можно было поставить кофе, приготовленного умной кроватью или не менее умной женой, которая догадалась захватить из дома электрочайник.

Собственно, еще с утра понедельника было неясно, когда операция. Все зависело от результатов назначенного на утро УЗИ вен, которое почему-то называлось Допплер-исследование. Но Допплер дал свой положительный эффект. УЗИ не зафиксировало тромбов, и профессор сказал: "Оформляйтесь". И тут же пригласил анестезиолога Вадима Корнелиевича Горшкова. Именно он и сообщил мне интересную подробность: наркоз будет не общим, а спинальным. Это значит, что мне отключат чувствительность нижней части тела, а верхняя будет все слышать и переживать.

— Ну и что же должен чувствовать человек, который во время операции слышит, как пиллят его кость? — поинтересовался я.

— А я дам вам такую анестезию, что это вас волновать абсолютно не будет, — ответил доктор. И оказался прав. Лежа на операционном столе, я только по звуку фикси-

вал: "Ага, заработала циркулярка, видно, отпиливают шейку бедра. А вот пошла в ход кувалда. Наверное, вколачивают в кость металлический сустав. А это уже шуруповерт...". И что самое интересное, меня все эти действия абсолютно не волновали.

Вначале, узнав, что наркоз будет местным, я решил постараться все запомнить, чтобы впоследствии написать репортаж с собственной операции. И действительно, я прекрасно запомнил девушку, побрившую меня во всех местах, вечернюю, а затем и утреннюю клизму, дорогу в операционную, которую я преодолел самостоятельно и без палочки.

Помню анекдот, рассказанный при входе в это стерильную преисподнюю.

Просыпается больной после операции и видит, что у него забинтованы два места. Он зовет сестру.

— Сестричка, что такое? Мне ж должны были всего лишь вырезать аппендицит?

— Вы понимаете, больной, вам просто повезло. Только вам дали наркоз, как в больницу пришел САМ доктор Кац. Он увидел вас в операционной и изъявил желание лично сделать операцию. Представляете, ЛИЧНО! К нему в очередь записываются за два месяца, а тут сам захотел. А когда оперирует доктор Кац, — это же поэма, балет, высокое искусство. И посмотреть на это сбегалась вся больница. И когда медицинское светило наложило последний шов, раздалась такая аплодисменты, что доктор Кац на бис сделал вам обрезание.

Помню, как я забеспокоился, когда сестричка в первый раз спросила меня: "Какую ногу будем оперировать?". И как Корнелиевич успокоил, что этот вопрос я услышу еще не раз. И действительно, с каждым следующим разом я ощущал растущую уверенность, что вероятность ошибки уменьшается.

Помню вопрос, заданный анестезиологом, какую мелодию я предпочитаю, — у них принято, чтобы во время операции звучала музыка, а вот ее жанр зависит от пожеланий клиента, то бишь больного. Помню еще один странноватый вопрос, что мне удобнее: свернуться на операционном столе калачиком или сесть и пригнуть голову к коленям. Оказалось, что в одной из этих поз анестезиолог должен ввести обезболивающую отключку в позвоночник.

После укола желание все запомнить как притупилось. Сестрички еще переговаривались, ворочали меня, но мне это было уже все равно. На уровне груди поставили загордку-экран, чтобы я ничего не видел, и я закрыл глаза, чтобы видеть еще меньше.

Боли никакой не было. Но я четко чувствовал, когда ассистент по команде профессора поднимал мою ногу, поворачивал ее. Я немедленно поделился своим открытием с анестезиологом, благо дело его тень все время виднелась в районе бокового зрения моей головы. Периодически доктор наклонялся и спрашивал: "Как самочувствие?". В тот момент оно волновало его гораздо больше, чем меня.

На фоне легкой музыки как бы в отдалении слышался голос профессора. Он что-то говорил ассистентам, наверняка что-то важное, но запомнить даже это важное не хотелось. На следующий день я сказал профессору, что слышал все, о чем они говорили. Заслуженный эскулап страны, доктор медицинских наук, заведующий Центром эндопротезирования покраснел, как первокурсник, и стал оправдываться, что во время операции не всегда получается выбирать выражения. Оказалось, больше всего он удивился, когда увидел мой сустав не на рентгеновском снимке, а воочию. Даже не сустав, а то, что от него осталось. Собственно, никакого сустава не было. Разрушающаяся кость при ходьбе терлась о разрушающуюся кость, вызывая еще большие разрушения. "И как он со всем этим ходил?" — всплыла из оперативной, вернее, операционной памяти подслушанная сквозь наркоз фраза. Вернее, не фраза, а смысл, потому что слова были другие.

Сама операция заняла часа полтора, но в операционной в общей сложности я провел часа четыре.

— Уже все, — наклонился ко мне Корнелиевич, — осталось только зашить.

— Ну, и когда уже, наконец, "все"? — спросил я его минут через двадцать.

— Остался последний шов.

Аплодисментов я, слава Богу, не услышал. В реанимацию на второй этаж меня отвез лично Вадим Корнелиевич.

— Так положено, — отвечал он на мои слабые возражения: "А может быть, в палату?". — Здесь постоянно дежурят врач и три сестрички. Если что-то, не дай Бог, пойдет не так, они знают, что делать.

И мне вспомнился еще один послеоперационный анекдот.

Везет санитар больного после операции. А тот каночит:

— Санитар, а может быть, все-таки в реанимацию?

— Больной, не занимайтесь самолечением! Доктор сказал в морг, — значит, в морг.

Оказалось, что реанимация — это большая зала, перегороженная шкафами. С одной стороны лежал я и еще три послеоперационных страдальца, а с другой еле слышались слабые женские голоса. Очевидно, там лежали страдальцы. Но они на тот момент мне были безразличны.

В реанимацию я приехал на собственной кровати, той самой, на колесиках, на которой меня утром брили. Поэтому на ней остались, извините за тавтологию, остатки сбривших волос. Но на тот момент, пока еще нижняя часть тела не обрела чувствительность, этот факт меня не волновал. А вот какой вопрос меня действительно волновал, вы в жизни не догадаетесь. Доехав на послеоперационном ложе до реанимации и окинув мутноватым взором залу, я спросил у персонала: "А книги читать можно?". И получив изумленно-утвердительный ответ, тут же попросил Диночку принести мне источник знаний. Даже на всякий случай два. Забегая вперед, скажу, что именно эти две книги и помогли мне скоротать первые послеоперационные сутки. Мне просто повезло — кровать стояла возле стола сестричек, над которым свет не выключался всю ночь.

Спать в первые сутки не хотелось. Тем более, спать на спине я тогда не умел. Когда глаза начинали слипаться, я откладывал книгу и затаил до того момента, как сестричка приходила в очередную раз меня реанимировать.

В реанимацию я прибыл упакованный, как Рембо. В правом плече торчала кольчуга для подключения капельницы, куда их беспрепятственно и подключали. В левом — шприц, заполненный чем-то зеленым. "Это обезболивающее, — объяснил доктор. — Когда заболит, скажете сестричке, и она вам введет". В прооперированной ноге чуть пониже шва болтались две гофрированные баночки, в которые через прозрачные трубки дренажа прямо из тела вытекало то ли кровь, то ли сукровица. Из еще одного места тянулся катетер.

Боли как таковой не было. Когда я ощупывал себя, возникало странное ощущение, что вот, сверху до пояса — это я, а сразу ниже пояса, очень резко, уже не я, а какая-то тепловатая туша. Прооперированная нога лежала в гипсовом сапожке для фиксации, а между ногами находилась трапециевидная подушка, предотвращающая возможность сведения ног. Вначале такая предосторожность показалась мне излишней, так как не то что двинуть или свести ноги, но даже пошевелить их пальцами я не мог. И только много позже, когда ночью во сне я чисто машинально попытался перевернуться на бок, а сапожок мне не дал, я понял всю мудрость этой конструкции.

Но это было уже в палате, где я провел две недели. Где научился не только шевелить ногами, но и делать ими зарядку, стоять на костылях, сидеть на унитазах, лежать за столом и даже спать на спине. А научился я всему этому благодаря неусыпной заботе моей Диночки, под чутким руководством сестричек Светочки, Олечки, Людочки, Леночки, Ирочки и, конечно же, постоянному вниманию профессора доктора медицинских наук Александра Николаевича Поливоди, лечащего врача ортопеда-травматолога Игоря Емельяновича Щербины и врача-анестезиолога кандидата медицинских наук Вадима Корнелиевича Горшкова. Дай им всем Бог здоровья, счастья и успехов в заботе о больных во веки веков, амины!

Собрались поохотиться на уток четыре врача: терапевт, психиатр, хирург и патологоанатом.

Вылетает из кустов утка. Терапевт: Вот утка. Или не утка? А может, все-таки утка? Черт его знает...

Улетела утка. Вылетает вторая.

Психиатр: Вот утка. Но это я знаю, что это утка. А знает ли утка, что она утка?

Улетела утка. Вылетает третья.

Хирург: ба-бах из двух стволов. Кричит патологоанатому:

— Вась, посмотри, — там утка была или что?